

**«Настоящий кавказец»
в конструировании пространства
взаимопознания
(на примере военно-литературной
биографии А. Л. Зиссермана)**

МАТВЕЕВ Олег Владимирович

*Доктор исторических наук, профессор кафедры до-
революционной отечественной истории Кубанского госу-
дарственного университета, старший научный сотруд-
ник Научно-исследовательского центра традиционной
культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия.*

Электронная почта: vim12@rambler.ru.

**«The Real Caucasian»
in the Constructing of Space
of the Mutual Learning
(on the Example of Military and Literary
Biography of A. L. Zisserman)**

Oleg V. MATVEYEV

*Dr. Sci. (National History), Prof.,
Department of the Pre-Revolutionary Russian History,
Kuban State University,
Senior Researcher, Research Center of Traditional Culture
Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russia
E-mail: vim12@rambler.ru*

Аннотация

Статья посвящена жизни и военно-литературной деятельности Арнольда Львовича Зиссермана, которые дают наглядные примеры участия «кавказцев» лермонтовского типа в преодолении межцивилизационных разломов и в создании пространства общения и взаимопонимания.

Ключевые слова: «кавказец», русская литература, народы Кавказа, пространство взаимопознания, Кавказская война, предрассудки.

Abstract

Article is devoted to the life and also the military and literary career of Arnold L. Zisserman that are a good examples of participation «Caucasians» of Lermontov type in overcoming of the inter-civilizational fault and in the creating a space of dialogue and mutual understanding.

Keywords: «Caucasian», Russian literature, peoples of the Caucasus, the pro-space mutual learning, the Caucasian war, prejudice.

Многообещающим направлением в изучении интегративных факторов в истории отношений между Россией и Кавказом выступает выстраивание модели пространства, в рамках которого осуществлялся процесс взаимопознания наших народов. Историки, литературоведы, культурологи, лингвисты, обращавшиеся в рамках своих дисциплин к подобному конструированию на кавказском материале, обнаруживают удивительную диалектику внутренней жизни разноимённых элементов (см.: [4, с. 32] [5, с. 43] [12, с. 204]

и др.). Духовные векторы, заряженные поначалу энергией взаимоотношения, ощущали потребность в постижении друг друга, интерес в создании стыковых зон «непростого, но всё более интенсивного общения», закладывая предпосылки «для взаимообогащения и компромиссного существования» в рамках особых «свехструктур» [4, с. 43].

Активными участниками этого процесса выступали так называемые «настоящие кавказцы» — русские офицеры на Кавказе, целостную историко-психологическую характеристику которых впервые представил М. Ю. Лермонтов. В очерке, запрещённом царской цензурой и опубликованном только в советское время, поэт отметил, что «кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берёт над ним перевес <..>. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надёжный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски; <..>. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия». Дав глубокий анализ жизненных стратегий и мотивов поведения «настоящего кавказца», автор очерка отмечает, что такой тип встречается только на Кавказской линии. Настоящего кавказца, «человека удивительного, достойного всякого уважения и участия», Лермонтов отличает от «ненастоящих», «грузинских кавказцев», т. е. обретающихся вдали от противостояния с горцами, и статских, которые «большую часть неловкое подражание» [10, с. 590–591].

Подобный тип «настоящего кавказца» ярко проявился в вехах жизненного пути, военно-историческом и литературном наследии полковника Арнольда Львовича Зиссермана (1824–1897), который четверть века прослужил на Кавказе. Вынужденный сначала поступить на гражданскую

службу мелким чиновником в палату государственных имуществ в Тифлисе, он вскоре постарался выбраться из душной канцелярской атмосферы кавказской столицы в горы, в распоряжение начальника Тушино-Пшаво-Хевсурского округа. «Я довольно скоро стал понимать более употребительные фразы, записывая слова по-русски», — вспоминал Арнольд Львович [6, с. 24]. Вскоре он овладел языком в совершенстве, чем вызвал глубокое уважение к себе не только со стороны грузинской знати, но и простых горцев — пшавов и хевсуров. «С каждым днём я стал более и более убеждаться, что жить среди этого народа и придерживаться своих европейских обычаев невозможно. <..> Я начал с того, что нарядился в черкесский костюм, самый удобный и красивый, получивший право гражданства на всём Кавказе, обзавёлся собственной верховой лошастью, оружием и всеми принадлежностями коренного джигита (удальца-наездника), да с большим успехом и довольно скоро усовершенствовался в верховой езде. Одно это уже подняло меня в глазах жителей, которые не могли без смеху видеть чиновников, уродливо болтавшихся на лошадях» [6, с. 27]. Высоко ценилась горцами личная храбрость, и здесь молодой человек тоже сумел проявить себя. За мужество, оказанное в борьбе с прорвавшимися в Кахетию горцами Шамиля, в 1845 г. гражданский чиновник Зиссерман получил из рук кавказского наместника М. С. Воронцова боевую награду — знак отличия военного ордена Св. Георгия [1, л. 612]. При этом он продолжал с увлечением вникать в особенности быта и традиций тушин, пшавов и хевсур, писал очерки, которые посылал в издававшуюся в Тифлисе газету «Кавказ». «Постоянной наблюдательностью, расспросами, сношениями с туземцами я узнал в подробности их нравы, образ жизни, взгляды и наклонности, и впоследствии в обществе туземцы

почти забывали, что я русский, однако перестали при мне пускаться в ругательства и насмешки. При этих условиях и жизнь моя стала разнообразнее и легче; я стал находить в этой воинственной, полукочевой жизни своего рода поэзию и, наконец, пристрастился к ней до того, что изменить ей и расстаться со средой, у которой я приобрёл уважение, казалось мне невозможным» [6, с. 27–28].

В декабре 1848 г. Арнольд Львович был назначен Элисуйским приставом. Это была территория бывшего Элисуйского султаната, ликвидированного после перехода султана Даниел-бека на сторону Шамиля. Над территорией приставства постоянно висела угроза прорыва отрядов Даниел-бека, которого тайно продолжали поддерживать многие проживающие здесь цахуры и азербайджанские татары. Поэтому от русских властей требовались очень большой такт и выдержка. Зиссерман и здесь проявил качества «настоящего кавказца». «За изучение языка я взялся ретиво и самым практическим, уже раз оправдавшимся для меня способом, — вспоминал впоследствии Арнольд Львович. — Успех был такой, что через четыре месяца я мог довольно свободно изъясняться, а ещё через три-четыре я уже говорил как истый татарин и произносил целым обществам грозные речи <..>. Исползволь перешёл я от своего черкесского костюма и оружия к туземному татарскому; стал ходить в кошах (полубашмаки на высоких каблуках), стал курить кальян вместо короткой горской трубочки — одним словом, не прошло двух-трёх месяцев, я был уже и здесь свой человек» [6, с. 187–188]. Преодоление языкового барьера и межкультурных границ помогли Зиссерману успешно решать многие вопросы социальной и политической жизни местных жителей, убедить их в преимуществах стабильного развития в рамках российской государственности.

Постижение мира горцев приводило к самым неожиданным выводам. Оказалось, что они заигрыванию и подаркам со стороны властей предпочитают справедливость и строгость русского начальника, не связанного местными родственными и клановыми обязательствами. Оценивая в своих воспоминаниях политику кавказского наместника М. С. Воронцова, Арнольд Львович явно не одобрял заигрывание князя с местной аристократией при откровенном унижении при ней русских чиновников. Заигрывая с местным населением и одновременно унижая человеческое достоинство своих подчинённых, русские власти вовсе не обретали уважения со стороны горцев. «Нигде в России нельзя было так наглядно убеждаться в традиционном пренебрежении, даже презрении высших служебных классов к своим, русским людям и глупом, унижительном ухаживании за всяким иноземцем, хотя бы туземцем-мусульманином. Тот же офицер, который последнего оборванца, байгуша, пастуха-чеченца или аварца принимает у себя с рукопожатием, угощением чаем и «ракой», тут же, при этом байгуше, за пустяшную вину валял по щекам своего денщика или вестового, изрыгая целый поток отвратительной брани, что доставляло байгушу большое удовольствие... Так же складывались отношения и в официальных вопросах: почти всегда всё в пользу туземцев, в ущерб своему войску или казачьему населению. И ведь ни благодарности, ни преданности никакой мы не заслужили» [6, с. 520].

Демонстрируя качества настоящего «кавказца», Зиссерман проявлял присущее этому психологическому типу гуманное отношение не только к горцам, но и к своим подчинённым. Перейдя на военную службу и став командиром роты в Дагестане, он оставил о себе добрую память среди своих солдат. «Не приученный предшество-

вавшей службой к грубым казарменным выражениям, я не имел духа подражать в этом отношении большинству моих сослуживцев, — вспоминал он, — и, не вдаваясь в фамильярности, не прибегал никогда к ругани и кулакам. Солдаты, очевидно, ценили это человеческое обращение не менее моей заботливости об их интересах, а интересы у них были, и нарушались они сплошь и рядом. <...> Подобный образ действий не ускользнул от солдат, и на каждом шагу они старались доказать мне свою благодарность» [6, с. 364]. Только одно сердило А. А. Зиссермана: солдаты никак не могли запомнить его немецкую фамилию и упорно называли ротного командира «поручик Басурманов».

В 353 фонде Государственного архива Краснодарского края сохранились документы, связанные с периодом командования полковником Зиссерманом 1862–1865 гг. 1-й бригадой Кубанского казачьего войска, штаб которой располагался в ст. Ладожской. Многие приказы бригадного командира полны заботы о боевом состоянии, быте, снабжении, охране здоровья, нравственности казаков, развитии школьного образования в станицах 1-й бригады [2, л. 43, 60, 62]. Отстаивал он и интересы крестьян. Так, несмотря на то, что в 1863 г. истёк срок освобождения дворовых крестьян, полковник И. Ф. Чуйков долго не хотел отпускать 17 своих бывших крестьян. Командир 1-й бригады, выполнявший к тому же обязанности мирового посредника, пишет Чуйкову 24 июня 1863 г.: «Некоторые из бывших крепостных Ваших людей неоднократно являлись ко мне с жалобой о удержании их Вами при себе до настоящего времени несмотря на то, что им выданы увольнительные документы ещё 19 февраля; сего же числа опять принесла мне жалобу девка Степанида, что Вы удержали у себя все её вещи, а когда она пришла за оными к вам в дом, то вы вместо удовлеворе-

ния нанесли ей побои, посадили её под арест в станичный каземат, и что до сих пор не выдавали ей увольнительного акта» [3, л. 4]. Зиссерман потребовал бывших дворовых людей «удовлетворить как следует, отпустить на волю». Может быть поэтому имена многих офицеров, владельцев земельных пожалований за Кавказскую войну, стёрлись в людской памяти, а хутор Зиссермановский и ныне существует в Тбилисском районе Краснодарского края?

Участовавший во многих горячих схватках с горцами, Зиссерман открыто выступал против бессмысленного кровопролития, унаследовал высокий гуманизм русской литературы о Кавказе, преклонялся перед лермонтовским стихотворением «Валерик» с его всечеловеческим вопросом «Зачем?». Мало кто знает, что именно Арнольд Львович Зиссерман, имение которого находилось в пятнадцати верстах от Ясной Поляны, своими консультациями содействовал Толстому в гениальном постижении образа Хаджи-Мурата. Фигуру этого предводителя горцев Зиссерман оценивал очень высоко, и как полагал советский литературовед А. Сергеевко, «оказал в этом отношении влияние на Льва Николаевича». В яснополянской библиотеке хранилась книга А. Л. Зиссермана «25 лет на Кавказе», с надписью: «Графу Льву Николаевичу Толстому лично автором поднесено 12 сентября 1896 г. в селе Лутовинове» [11, с. 519].

При этом, как опытный кавказский боевой офицер, он находил немало поэтических преувеличений и откровенных фантазий в произведениях русской классики, посвящённых Кавказу. Рассказ А. С. Бестужева-Марлинского об «обычае какого-то горского общества, где хозяин будто бы обижался, если гость отказывался от ласк жены или дочери», Зиссерман считал выдумкой: «Подобного обыкновения на Кавказе нет, даже похожего на это нигде не слышно» [6, с. 172].

На страницах журнала «Русский архив» Арнольд Львович раскритиковал статью первого биографа Лермонтова П. А. Висковатова об участии поэта в сражении на речке Валерик. «На первой же странице говорится о пёстрой группе людей в разнородных костюмах, — очевидное подражание пушкинскому: «Какая смесь одежд и лиц, племён, наречий, состояний!», — писал в своей рецензии Зиссерман. — Если эта группа состояла из милиций, среди которой могли быть жители Дербентского и Кубинского уездов, Шамхальства и местные горцы, то, во-первых, таких рваных черкесок, «едва прикрывающих наготу тела», не могло быть; потому что туземцы весьма одарены тактом приличия, и на службу в Русский отряд в таком виде ни один не явится, как бы он ни был беден; всё же заплату положит, но наготы тела не покажет это стыдно». И далее: «Тут, рассказывает г. Висковатов, были татары-магометане (разве есть татары не-магометане?), кабардинцы, казаки, люди всех (!?) племён и верований, встречающихся на Кавказе; были и такие, что сами забыли, к какой принадлежат народности». Ведь что хорошо и уместно в шайке разбойников, описанной такими стихами, как «Братья-разбойники», то в отношении отряда русских войск выходит по меньшей мере неуместным. Какой же начальник уезда пошлёт по распоряжению властей милиционеро-бродяг, не помнящих своего родства? <...> Я сам был начальником такой команды партизан в 1850 г. на Лезгинской линии, где бывало гораздо больше разноплеменных милиций в отряде, чем в Чечне; ну и хорош бы я был, допустив в состав команды людей, «забывших, к какой народности они принадлежат!». Такой бродяга мог бы изменить и передать неприятелю сведение, грозящее гибелью всей команде» [7, с. 78].

Протестовал Арнольд Львович и против попыток П. А. Висковатого изобразить поэта отчаянным головорезом. Писатель призвал критически отнестись и к словам из лермонтовского письма Лопухину, где поэт писал, что при Валерике шесть часов дрались штыками, и горцы оставили на месте 600 тел. У кого хватит сил драться штыками шесть часов подряд? Это преувеличение Зиссерман отнёс разыгравшемуся воображению молодого поэта, а относительно потерь чеченцев отметил: «Потери в 600 человек в одном деле, вообще для горцев случались за всё время Кавказской войны может быть два-три раза, и, даже будучи побиты, вынужденные бежать, они успевали большую часть своих убитых уносить, так что на месте оставалось немного тел; на Валерике мы отступили и считать оставшиеся на месте трупы физически не могли» [7, с. 80].

Не случайно специалисты высоко оценили главные военно-исторические труды А. Л. Зиссермана — трёхтомную биографию князя А. И. Бяратинского и «Историю 80-го пехотного Кабардинского князя Бяратинского полка», также составившую три объёмных тома. Генерал-лейтенант П. П. Карцов в своём содержательном отзыве на историю Кабардинского полка отмечал, что книга далеко выходит за рамки полковой летописи, и её правильнее назвать историей присоединения Кавказа к России. «Редко в каком даже специальном описании завоевания этого края, заключил генерал, — встречается столько интересных фактов, столько характерных эпизодов кавказского быта, сколько в рассматриваемом сочинении» [9, с. 204]. И далее: «Проникнутый кавказским духом г. Зиссерман на всякое вводное им событие, не касающееся полка, жизнь которого он описывает, смотрит глазами истинного кавказца» [9, с. 210]. И действительно, глубокое знание региона помогло Арнольду Львовичу

правильно ответить на вопрос, почему князь Барятинский переиграл Шамиля: «Шамиль стремился к решительной нивелировке всего подвластного ему народонаселения; он не допускал никаких местных особенностей, преследовал строго всякие предания и легенды, уничтожив суды и обычаи, и всё подчинил одному общему для всех шариату, т. е. духовному суду по Корану. Князь Барятинский задумал как раз противоположное этому, стремясь, так сказать, возрождать чеченский народ как племенную особь, имеющую свой язык, свои предания, обычаи, нравы, черты характера и даже наружность» [8, с. 196].

Таким образом, жизнь и военно-литературная деятельность Арнольда Львовича Зиссермана дают наглядные примеры участия «кавказцев» лермонтовского типа в преодолении межкультурных разломов и в создании пространства общения и взаимопонимания. Именно эта, незаметная, рассчитанная не на одно десятилетие работа помогала преодолевать предубеждения и исторические обиды, формировала выстраданное нашими народами в нелёгких испытаниях осознание историко-культурного единства.

Использованная литература:

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 396. Оп. 1. Д. 217.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1054.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1065.
4. *Дегоев В. В.* Социально-политические вызовы XXI в. и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современ-

ность: материалы междунар. науч. конфер. Москва, МГИМО (У) МИД России, 16–17 мая 2006 г. М.: Русская панорама, 2007. С. 17–34.

5. *Захаров В. А.* «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сб. научн. ст. по итогам Всеросс. науч. конфер. с междунар. участием. Краснодар, 2014. Ч. I. С. 26–81.
6. *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867. М.: Кучково поле, 2014.
7. *Зиссерман А. Л.* Критические заметки. О фельдмаршале князе Барятинском. О Лермонтове // Русский архив. 1885. № 5. С. 75 — 81.
8. *Зиссерман А. Л.* История 80-го пехотного Кабардинского генерал-Фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). СПб.: Тип. В. Грацианского, 1881. Т. III.
9. *Карцов П. П.* К истории покорения Кавказа. 1726–1880. История 80-го пехотного Кабардинского полка (с 1726 по 1800 г.). Три тома. СПб., 1881 г. // Русская старина. 1884. Т. 43. Июль. С. 203–214.
10. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения в двух томах / сост. и коммент. И. С. Чистовой. М.: Правда, 1990. Т. II.
11. *Толстой Л. Н.* «Хаджи Мурат»: Неизданные тексты / публ. и вступ. ст. А. Сергеенко // Л. Н. Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Кн. I. С. 517 — 565. (Литературное наследство; Т. 35/36).
12. *Филоненко В. И.* Восточная лексика в произведениях М. Ю. Лермонтова // Вопросы современного русского языка и истории его развития. Научные труды Краснодарского государственного педагогического института. Вып. 44. Краснодар, 1966. С. 191–209.